

+1.0  
с 244

+3

D121

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ  
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

УДК 008: 159.964.2 + 821.161.3-313.2.09.98

**СВЕЧНИКОВА**  
**Елена Владимировна**

**УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ  
В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ АНТИУТОПИИ**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени  
кандидата культурологии

по специальности 24.00.01 – теория и история культуры

Репозиторий БГУКИ

Минск 2011

Работа выполнена на кафедре культурологии УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

**Научный руководитель:** Смолик Александр Иванович,  
доктор культурологии, профессор,  
заведующий кафедрой культурологии  
УО «Белорусский государственный  
университет культуры и искусств»

**Официальные оппоненты:** Кирвель Чеслав Станиславович,  
доктор философских наук, профессор,  
заведующий кафедрой философии  
УО «Гродненский государственный  
университет имени Янки Купалы»

Кожуховская Людмила Сергеевна,  
кандидат культурологии,  
заведующий кафедрой молодежной  
политики ГУО «Республиканский  
институт высшей школы»

**Оппонирующая организация:** Белорусский государственный  
университет

Защита состоится 2 февраля 2012 г. в 14.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 09.03.01 при УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 220007, г. Минск, ул. Рабкоровская, 17, читальный зал библиотеки: e-mail: buk@buk.by; тел. ученого секретаря 222-83-36.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств».

Автореферат разослан 14 декабря 2011 г.

Учёный секретарь  
совета по защите диссертаций,  
кандидат искусствоведения, доцент

О.В. Мазаник

## КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Европейская культура XIX-XX вв. характеризуется сменой ценностных ориентаций, обусловленной процессами урбанизации, модернизации, сциентификации общества. Изменения в аксиосфере привели к широкому распространению антиутопии – разновидности социальной фантастики, в основе которой – негативное (паралильное) изображение воображаемого общества, воплощающего тот или иной социальный идеал. Антиутопизм как мировоззрение и мирочувствование стал существенной характеристикой эпохи.

В белорусской культуре расцвет антиутопии пришелся на 80-90-е гг. XX в. История развития жанра антиутопии иллюстрирует динамику ценностных ориентаций белорусского общества и указывает на важнейшие проблемы современной культуры: негативное воздействие техногенной цивилизации на экологию, утрату части духовного наследия, массивфикацию культуры, последствия глобализационных процессов. Как правило, белорусские авторы антиутопий предлагают в качестве этических ориентиров мирное сосуществование различных идеологий и культур, гармоничное взаимодействие человека и природы, а также идеалы социальной справедливости.

Белорусская антиутопия, в отличие от западной и российской, недостаточно исследована. Введение в научный оборот корпуса текстов данного жанра позволит подробно разработать проблему ценностных ориентаций современного белорусского общества и его идеологических основ, поможет создать детализированный образ белорусской культуры.

Тексты антиутопии насыщены архетипическими образами, поэтому обоснованным является проведение культурологического исследования антиутопии в рамках психоаналитического подхода, в частности теории К.Г. Юнга об архетипах. Культурологический анализ антиутопии и отраженных в ней ценностных предпочтений, этнических, гендерных, этических и других стереотипов белорусского этноса позволит углубить понимание динамики белорусской культуры.

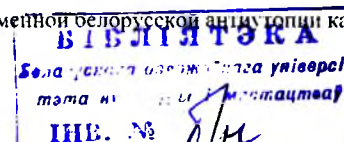
## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

### *Связь работы с крупными научными программами и темами*

Диссертационное исследование осуществлялось в соответствии с комплексными темами кафедры культурологии УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»: «Основные тенденции развития духовной культуры Беларуси в постсоветский период» (утверждена на заседании Совета университета 20 февраля 2001 г., протокол № 6); «Межкультурная коммуникация в контексте глобализационных процессов» (утверждена на заседании Совета университета 21 марта 2006 г., протокол № 7).

### *Цель и задачи исследования*

*Цель исследования* – выявление универсальных и этнокультурных архетипов в современной белорусской антиутопии как тексте культуры.



Поставленная цель предполагает решение следующих *задач*:

- показать видовое разнообразие антиутопии в мировой культуре;
- выявить мировоззренческие основания европейской антиутопии;
- определить базовые ценности белорусской антиутопии как явления культуры;
- выделить в антиутопиях белорусских авторов наиболее значимые универсальные и этнокультурные архетипические образы;
- выявить архетипическую матрицу современной белорусской антиутопии.

#### **Объект и предмет исследования**

*Объект* исследования – тексты белорусской антиутопии. *Предмет* исследования – универсальные и доминантные этнокультурные архетипические образы в белорусской антиутопии.

Выбор объекта и предмета исследования обусловлен неразработанностью проблемы в белорусской культурологии. Белорусская антиутопия как текст культуры (культурный текст) отражает культурную картину мира, ценности и идеалы современного общества и нуждается в изучении.

#### **Положения, выносимые на защиту**

1. В XIX–XXI вв. антиутопия нашла выражение в литературе, киноискусстве, музыке, театре и радиотеатре, в компьютерных играх. Это позволяет говорить о видовом разнообразии изучаемого культурного явления (антиутопии), отражающем распространенность и значимость антиутопизма в мировой культуре.

Начало белорусской антиутопической традиции положено произведением А. Мицкевича «История будущего» (1829). Белорусская антиутопия сформировалась как литературная, на базе которой впоследствии возникла театральная антиутопия. В начале 80-х гг. XX в. после полуторазекового перерыва жанр стал интенсивно развиваться, что объясняется трансформацией советской культуры.

2. Мировоззренческие основания европейской антиутопии – это совокупность религиозных (христианских) и светских идей, представлений и ценностей. Антиутопия характеризуется мифологически-религиозным типом мировидения, не случайно в качестве ее прототипического жанра выступает апокалипсис, о чем свидетельствуют эсхатологизм и мессианизм антиутопии, а также ее мотивный ряд.

Светский идеологический фундамент европейской антиутопии составляют идеологии Просвещения и романтизма. Свои характерные черты антиутопия приобрела в полемике с утопией, критикуя ее рационализм, коллективизм, тоталитаризм, утилитаризм. Антиутопия – это своего рода критика социального проекта модерна внутри самого модерна.

3. Аксиологический базис белорусской антиутопии – это мифорелигиозный субстрат (христианские ценности, элементы архаических и современных мифов) в совокупности с ценностями Просвещения и романтизма. Спецификой белорусской антиутопии стал антиурбанизм, выраженный посредством фольклорных стереотипов и идей литературного течения «деревенская проза». Тексты белорусской антиутопии отражают

противостояние традиционной и посттрадиционной культуры. Это выражается в сочетании либеральных и традиционных ценностей.

Белорусская антиутопия неоднородна в идейном смысле и включает в себя «радикальную» и «плюралистическую». Данные типы антиутопии базируются на противоположных моделях межэтнических и политических отношений.

4. Важнейшими универсальными архетипическими образами в антиутопии являются *самость, персона, тень, эгрой, анима*. Приключения *героя* формируют сюжет, *персона* и *тень* выступают в качестве социального и природного начал. *Анима* и *мать* – помощники протагониста, способствующие духовному становлению героя. *Мудрый старец* – антагонист. В финале герой обретает *самость* и гармонию с миром.

В белорусских антиутопиях важную роль играют этнокультурные архетипы *Матери-Земли, Звезды, Музыки/Песни, Города*.

5. Ключевые элементы фабулы антиутопии соотносятся с процессом индивидуации, что подтверждается наличием во всех исследуемых произведениях *архетипической матрицы*, четырехчастной структуры: *блаженство – его утрата – страдания/борьба, смерть – воскресение/возрождение/обретение блаженства*. В абстрактном виде *архетипическая матрица* выглядит следующим образом: *состояние гармонии, равновесия, нормы – утрата гармонии, равновесия (нарушение нормы) – усиление дисгармонии – обретение гармонии (восстановление нормы)*. Архетипическая матрица организует сюжет произведения и широко распространена в мировой культуре.

Выявление *архетипической матрицы* текста является эффективным средством проведения структурного и идейно-содержательного анализа мифоцентрических текстов.

#### **Личный вклад соискателя**

Работа является результатом собственных научных исследований соискателя. Впервые белорусская антиутопия 80-х гг. XX в. – начала XXI в. рассмотрена как целостное явление культуры, корпус текстов, большинство которых ранее не становилось предметом культурологического анализа. Впервые выявлены: интертекстуальные связи антиутопических произведений с текстами жанра апокалипсиса; связи антиутопизма с идеологиями Просвещения, романтизма, «крестьянского реализма»; исток отечественной антиутопической традиции; специфика белорусской антиутопии и ее культуротворческий потенциал; базовая метафора жанра («жизнь – это война»), бинарные оппозиции («норма – не норма», «рациональное – иррациональное», «мужчина – женщина», «небо – земля», «культура – природа», «город – деревня», «мир – война», «настоящее – прошлое», «прошлое – будущее») и коммуникативные цели антиутопического дискурса: взаимосвязь идеи антиутопии, ее универсальных и этнокультурных архетипических образов и структуры; ключевые архетипические образы белорусской антиутопии (герой, персона, тень, анима, мудрый старец, самость), универсальные символы (круг, сакральные числа) и этнокультурные архетипы в белорусской антиутопии (архетипы Родины-женщины, Музыки, Города, Звезды).

Выделено два типа антиутопии – радикальная и плюралистическая. Выявлена общая для всех антиутопий структура («архетипическая матрица»), дано определение этого понятия. Установлено, что данная архетипическая матрица лежит в основе всех белорусских и ряда зарубежных антиутопий.

#### ***Апробация результатов диссертации***

Результаты диссертационного исследования были представлены на 5 научных и научно-практических конференциях: международных (2), республиканской (1) и вузовских (2): «Национальный менталитет и характер: проблемы теоретической реконструкции» (Гродно, 5–6 июня 2003 г.), «Культура. Природа. Человек: конфликт и взаимодействие» (Минск, 25–26 марта 2003 г.), Республиканская научно-практическая конференция «Духовно-нравственное и физическое оздоровление общества: состояние, проблемы, поиск эффективных форм и методов» (Минск, 23–24 декабря 2003 г.), XII Международные научные Кирилло-Мефодиевские чтения (Минск, 24–26 мая 2006 г.), XXXII научная конференция профессорско-преподавательского состава БГУКИ «Белорусская культура в условиях глобализации», посвященная 35-летию БГУКИ (Минск, 13–14 ноября 2010 г.).

#### ***Опубликованность результатов диссертации***

Основные результаты диссертационного исследования были изложены в 16 научных публикациях. Из них: 6 статей – в рецензируемых научных журналах (2,69 авт. л.), 4 статьи – в научных журналах, в том числе в зарубежных (1,13 авт. л.), 6 публикаций – в сборниках материалов научных конференций и в сборнике научных работ (1,64 авт. л.). Общий объем опубликованных материалов составляет 5,5 авт. л.

#### ***Структура и объем диссертации***

Структура диссертации определена логикой изложения материала и состоит из введения, общей характеристики работы, трех глав и шести разделов, заключения, библиографического списка, шести приложений. Полный объем диссертации составляет 164 страницы, из которых 115 страниц занимает основной текст, 30 страниц – библиографический список, который содержит список использованных источников (396 наименований на русском, белорусском, английском, украинском, польском, болгарском, литовском, чешском языках) и список публикаций соискателя (20 наименований на русском и белорусском языках), 19 страниц занимают приложения.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

**Во введении и общей характеристике работы** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность и новизна, раскрывается связь работы с научными программами, определяются цель, задачи, предмет и объект исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, показывается научная новизна работы, отражаются апробация результатов диссертации, количество опубликованных работ, структура и объем диссертации.

**Первая глава «Концептуальные и методологические основы культурологического анализа современной белорусской антиутопии»**, состоящая из двух разделов, посвящена аналитическому обзору литературы по теме исследования и обоснованию методологической базы диссертации.

**В разделе 1.1 «Аналитический обзор литературы по исследуемой проблеме»** рассматривается специфика методологических подходов к проблеме архетипа и архетипического образа, к интерпретации и анализу художественного текста.

В современной науке осмысление понятия «архетип» связано с психоаналитическим направлением в гуманитаристике, а именно с работами К.Г. Юнга и его последователей Дж. Кэмпбелла, Э. Нойманна, Дж. Хиллмана, Э. Эдингера и др., которыми разработана теория о коллективном бессознательном и его доминантах – архетипах (*бессознательных предформах, структурирующих образы переживания*), представленных в сознании в виде архетипических образов, то есть символов. Архетипическая теория К.Г. Юнга получила развитие в исследованиях С. Грофа, который в процессе терапевтической практики зафиксировал наличие у пациентов «базовых перинатальных матриц» (групп архетипических образов-переживаний, объединенных с комплексом физических симптомов). В классическом психоанализе архетип концептуализируется как врожденная психическая структура, «филогенетическая профантация».

Вне рамок психоаналитического подхода под архетипами понимаются универсальные образы, символы и мотивы, представленные в культурных текстах всего мира.

Герменевтический потенциал архетипической теории используется в различных областях гуманитарного знания (в культурологии, литературоведении, киноведении и т. д.). М.-Л. фон Франц, Х. Дикманн, Дж. Кэмпбелл изучают архетипические основы сказки и мифа (согласно юнгианскому подходу персонажи мифоцентрического текста соответствуют психической функции, например, мышлению, чувству и т. д., и имеют в своем основании архетипические образы). На архетипологии К.Г. Юнга базируются исследования мифоцентрического текста (А. Ханзен-Лёве), фольклора (А. Анчев), киноискусства, театра и изобразительного искусства (Дж. Яцино, Н. Пискун).

Архетипология стала важной частью отечественной гуманитаристики. Белорусские этнокультурные архетипы исследовались И. Чаротой, Л. Кожуховской, В. Кононом и др. Ученые отмечали важность изучения этнокультурных архетипов для определения особенностей национального менталитета и сущности белорусской культуры.



И. Чарота выявил белорусский этнокультурный архетип «болото». архетип границы и переходности и др.. Л. Кожуховская раскрыла специфику архетипических образов, связанных с космосом, фауной, жилищем и интерьером, Н. Пискун выступила с концепцией театральных архетипов. Таким образом, архетипическая теория применяется для культурологического (равно как филологического и искусствоведческого) анализа произведений, обладающих вербальной природой и/или образным рядом (антиутопия, несомненно, относится к таковым).

Вопрос о наличии архетипических структур в тексте дискутируется. Выделяют архетипическую фабулу и рекурсивный персонаж (Н. Фрай, П. Пави), мотивы и символы (Ю. Доманский), структуры общечеловеческого литературного мономифа (Дж. Кэмпбелл, Г. Слокхвер), архетипическую структуру волшебной сказки (В. Пропп), подсознательные вербальные структуры (Р. Якобсон). Дж. Кэмпбелл предлагает трехчастную схему мифа: *удинение – инициация – возвращение*. Г. Слокхвер выделяет следующую структуру общечеловеческого литературного мономифа: *творение/эдем; поиски/ход из дома или преступление героя и его изгнание; воссоздание судьбы/возвращение домой*.

Анализ сюжетных схем, предложенных структуралистами, юнгианцами, представителями школы мифологической критики и другими учеными, показал, что описанные структуры либо излишне детализированы и могут быть подчинены более абстрактной метаструктуре (схемы В. Проппа, М. Бахтина и др.) либо чрезмерно лакопичны (схема Аристотеля), либо имеют узкую сферу применения (так, схема Г. Фрайтага подходит только для трагедий). Архетипические структуры и схемы в антиутопиях не выделялись, поэтому важнейшей частью настоящей работы стали выявление и анализ архетипической (инвариантной) структуры антиутопии (понятия «антиутопия», «дистопия», «роман-предупреждение», «негативная утопия» синонимичны).

Прилагательное «дистопический» для определения нежелательного воображаемого государства впервые употребил английский философ Дж. С. Милль в 60-х гг. XIX в. Термин «дистопия» как название жанра предложен в 1952 г. американским философом Г. Негли в соавторстве с М. Патриком. Существуют также комбинированные жанры (Г. Морсон), где антиутопия смешивается с научной фантастикой, утопией и т. д. В основном исследователи сходятся на том, что антиутопия – жанр социальной фантастики, пессимистический социальный прогноз. Так, российский филолог Б. Ланин определяет антиутопию как пародию на жанр утопии либо на утопическую идею, а белорусский филолог Г. Нефагина понимает антиутопию как изображение гипотетической реализации социального идеала.

Рассмотрению характерных особенностей антиутопии посвящены преимущественно филологические работы С. Бесчетниковой, Е. Козьминой, О. Крыжановской, О. Павловой, О. Сабининой, Н. Скалона, Е. Соловьевой, А. Тимофеевой, Л. Хабибулиной и др. Более глубокому пониманию феноменов утопии и антиутопии способствуют исследования Ф. Аинсы, Э. Баталова, Р. Гальцевой, Н. Ковтун.

А. Свентоховского, Н. Скалона, В. Чаликовой, Е. Шацкого и др. Наиболее полно антиутопия проанализирована Б. Ланиным, изучающим историю жанра, его тематику, сюжеттику и стилистику. Белорусская антиутопия зарубежными учеными практически не изучалась. Поэтому особо отметим работы А. Газизовой, А. Евченко, А. Макмиллина и А. Няму, посвященные анализу антиутопий А. Адамовича, А. Макаенка, Ю. Станкевича.

Белорусские исследователи С. Гончарова-Грабовская, Ч. Кирвель, Д. Мышко, А. Смирнов, Т. Сухоцкая и другие неоднократно обращались к проблеме антиутопии и утопии. Г. Нефагина проводит обзор истории советской антиутопии и выделяет следующие виды антиутопии: социальную, «руссоистскую», технократическую, идеологическую и постъядерную. Д. Мышко исследует польскую антиутопию XX в., С. Гончарова-Грабовская проводит исследование антиутопии на драматургическом материале.

Анализ исследований, посвященных антиутопии, показывает: сущность жанра антиутопии еще недостаточно четко определена. Иногда к нему относят реалистические, сатирические и другие произведения, не обладающие типическими признаками антиутопии: сатирические романы (например, «Записки Самсона Самосуя» А. Мрыя), утопии («Государство» Платона), любовно-авантюрные аллегорические романы («Кадм и Гармония» М. Хераскова) и постмодернистские тексты («Парфюмер» П. Зюскинда). До настоящего времени не выработано четких критериев, по которым произведение можно отнести к жанру антиутопии, недостаточно изучена история жанра. В общем объеме исследований преобладают филологические работы. Следует отметить, что большинство антиутопий белорусских авторов оставалось вне сферы внимания ученых, не изучены идеологическая платформа белорусской антиутопии, прообразы жанра, характерные стереотипы, мотивы, этнокультурные архетипические образы, символика.

В разделе 1.2 «Методологическая база исследования» формулируются методологические принципы диссертационного исследования. В диссертационном исследовании применяется комплексный подход к исследованию: изучение культурно-исторического контекста, сочетание приемов культурологического, литературоведческого, структурного анализа и юнгианского метода интерпретации текста. Также используются семиотический и аксиологический подходы.

В работе выделяется корпус текстов (совокупность текстов, объединенных общими признаками – жанром, тематикой, мотивным рядом) жанра антиутопии. Поскольку антиутопия понимается как текст культуры (корпус текстов соотносится с картиной мира и ценностными ориентациями белорусского общества), основным предметом анализа выступают мировоззренческие и аксиологические установки авторов. Данное направление исследования обусловило необходимость анализа дискурса антиутопии и выявления его целей: политических, экономических, культурных, экологических, эстетических. Дискурс понимается как текст в экстралингвистическом контексте, как

совокупность объективированных (вербализованных) идсй. установок, стереотипов (нравственных, религиозных, идеологических, гендерных и др.).

Произведение понимается как структурированный текст, обладающий главной идеей, рядом идеологем, особенно значимых для автора и выраженных буквально либо присутствующих в тексте имплицитно. Скрытые смыслы обнаруживаются посредством анализа отдельных утверждений в контексте всего произведения, семантики мотивов, семантики универсальных и этнокультурных архетипов, системы взаимосвязанных архетипических образов. Семантика символов (архетипических образов) в конкретном произведении проясняется с учетом контекста и значения данных символов преимущественно в европейской культуре.

Объединение и творческое переосмысление структурно-функционального анализа фольклорных сюжетов В. Проппа и концепции С. Грофа о группах архетипических образов (о «базовых перинатальных матрицах») позволили выявить четырехчастную *архетипическую структуру* антиутопии.

**Вторая глава «Антиутопия как явление культуры»**, состоящая из двух разделов, посвящена выявлению сущности антиутопии и утопии. В ней исследуется мировоззренческая база антиутопии.

**В разделе 2.1 «Социокультурные детерминанты формирования жанра антиутопии»** дается определение антиутопии, исследуется ее генезис. *Антиутопия* – социально-фантастическое произведение, представляющее собой художественную модель нежелательной социокультурной ситуации, создаваемую с целью социальной критики.

Для классического антиутопического произведения характерны фантастический хронотоп (воображаемое время и место действия), описание рационально организованного посткатастрофного коллективистского общества, тоталитарного государства, деградирующего общества/человечества, а также персонажи: герой-бунтарь, женщина – инспириатор бунта, олицетворяющая природное начало и помогающая герою встать на путь саморезализации. Отдельный элемент может отсутствовать в конкретном произведении, но в целом совокупность инвариантных мотивов сохраняется.

Основные мотивы и особенности сюжета антиутопия как жанр почерпнула в эсхатологической традиции (Книга Пророка Даниила, Апокалипсис Исайи, Апокалипсис Ездры и др.). Апокалипсис Иоанна – наиболее известный текст, элементы которого (предсказание будущего, разделение всех людей на «своих» и «врагов», война, всеобщее падение нравов, богопротивная власть, катастрофы, смертоносные чудовища, страдания грешников, отсутствие (остановка) времени, война сил добра против сил зла, ведущаяся для восстановления правильного миропорядка, грешный город, божье возмездие и др.) впоследствии фигурировали во многих антиутопиях.

Можно полагать, что опосредованное влияние на антиутопию (через апокалипсис) оказала мифологическая традиция древнего Ближнего Востока. Представление о том, что мир хаотизируется, утрачивает основополагающие ценности культуры и деградиру-

ет, опирается на древнейшие мифы о старении и разложении мира и последующем его обновлении. Антиутопия становится иносказанием, предлагающим способ этого «обновления» и улучшения человечества.

Развитие жанра антиутопии пришлось на XIX–XX вв. Первыми антиутопиями были «История будущего» (1829) А. Мицкевича (сохранились лишь варианты сюжета), «Город без имени» (1839), «Последнее самоубийство» (1840) В. Одоевского, «Грядущая раса» Э. Бульвер-Литтона (1870) и др. В XX в. появилось больше всего произведений исследуемого жанра («Вечер в 2217 году» (1906) Н. Федорова, «Республика Южного Креста» (1907) В. Брюсова, «Мы» (1924) Е. Замятина, «О дивный новый мир» (1932) О. Хаксли, «1984» (1949) Дж. Оруэлла, «Четвертый ледниковый период» (1959) К. Абэ и др.).

В XX–XXI вв. антиутопизм как мировоззрение проявлялся в различных сферах культуры. Были осуществлены экранизации произведений Дж. Оруэлла, Р. Брэдли, Э. Берджесса. Первой киноантиутопией стал фильм «Метрополис» (1926) Ф. Ланга, насыщенный архетипическими образами и мотивами, которые вошли в канон жанра и фигурировали в позднейших антиутопиях. К антиутопии обращались Ж.-Л. Годар («Альфавиль, странные приключения Лемми Кошона», 1965), С. Кубрик («Заводной апельсин», 1971), Т. Гильям («Бразилия», 1985) и др. Появились мультипликационные антиутопии («Метропия» (2009) Т. Салека и др.).

Антиутопия выражается преимущественно в тех видах искусства, которые обладают вербальным компонентом: в литературе, кино, театре. Есть примеры музыкальной (песенной) антиутопии (песни российской группы 2N Company «Филип Дик», «Сумрачный абсурд»). Насчитывается несколько десятков компьютерных игр с антиутопическими элементами сюжета (Mirror's Edge, Half-Life 2, The Moment of Silence, Fallout и др.).

Начало белорусской антиутопической традиции положил А. Мицкевич: его произведение «История будущего» было посвящено проблеме возможного межнационального и межцивилизационного конфликта на территории Европы. Следующая антиутопия – роман «Император» Р. Капустинского, выходца из Беларуси, – появилась в 1978 г., а в 1983 г. была опубликована пьеса А. Макаенка «Дышите экономно!...». В 80-х гг. XX в. были опубликованы антиутопии Э. Скобелева (роман «Катастрофа»), А. Адамовича (повесть «Последняя пастораль»), В. Гигевича (повесть «Корабль»), А. Наварича (рассказ «Возвращение сыновей»), О. Минкина и В. Голкова («Страна Хлудов» / «Страна Хламов»). Таким образом, после полуторавекового перерыва отечественная антиутопия стала интенсивно развиваться, что объясняется трансформацией аксиологических основ советского общества.

В Беларуси антиутопии не экранизировались, но были осуществлены театральные постановки и создан радиоспектакль по произведению А. Адамовича «Последняя пастораль» (1988, режиссер В. Анисенко). По пьесе А. Макаенка «Дышите экономно!...» были поставлены драматические спектакли В. Ивановым (1984) и Н. Труханом (1987). Режиссер Н. Динов поставил драматический спектакль «Последняя пастораль» (1998) по

мотивам одноименной повести Л. Аламовича. режиссер А. Янушкевич написал пьесу и поставил кукольный спектакль по мотивам произведения М. Салтыкова-Щедрина «История одного города» (2005).

Известно, что антиутопия существует в качестве критики утопического социокультурного проекта, который базируется на мифологических и религиозных представлениях (на мифологемах рая, божьего/праведного града, идеального миропорядка), а также на вере в духовный, научный и социальный прогресс. *Утопия* – описание воображаемого общества или государства, воплощающего социальный идеал. Утопическое государство, как правило, тоталитарно. Оно воплощает идеалы коллективизма, справедливости, морально-политического единства и всеобщего труда. Эти черты пародируются и критикуются в антиутопии.

И утопия, и антиутопия проникнуты рационализмом Просвещения и его стремлением к реформированию социума. Ценности антиутопии (индивидуальность личности, равенство, свобода мысли и т. д.) – это, преимущественно, ценности просветителей XVIII в. Просветителям и антиутопистам свойственны вера в нравственный прогресс, вера в слово, творящее социальную реальность, а также радикализм, бинаризм, авторитарный стиль мышления.

Оппонирующие парадигме Просвещения особенности антиутопии (критика рационализма, цивилизации, технического прогресса, урбанизации, трактуемой как фактор стандартизации жизни и унификации личности, апология бунтарства), ряд ее типичных мотивов (герой-бунтарь, омертвление жизни, борьба со злом в собственной душе) свидетельствуют о прямой связи антиутопии и романтизма. Это подтверждается и тем, что первые антиутопии созданы романтиками – А. Мицкевичем, В. Одоевским, Э. Бульвер-Литтоном.

Социально-политические и культурные перемены, которыми были богаты XIX и XX вв., вызывали неприятие у авторов антиутопий: новое ощущалось как нарушение миропорядка.

**В разделе 2.2 «Аксиологическая направленность белорусской антиутопии»** рассматривается специфика аксиологии антиутопии 80-х гг. XX в. – первого десятилетия XXI в.

Аксиология белорусской антиутопии базируется на мифорелигиозном фундаменте, включающем современные мифы (утопию места, мифы об инопланетянах, генной памяти, вредности науки), и представляет собой конгломерат из идеологем христианства, Просвещения, романтизма и мифологического сознания.

Белорусская антиутопия создает портрет современности, используя библейские образы, мотивы и мифологемы (конец света, война божественных сил и «сынов тьмы»). Понимание социополитической ситуации как битвы добра и зла, Бога и Сатаны, обуславливает оценку политиков, других этносов, науки и техники (утверждение касается произведений В. Быкова, В. Гигевича, А. Макаенка, Ю. Станкевича).

Опосредованное библейское влияние прослеживается в связи с «Легендой о Великом Инквизиторе» Ф. Достоевского. Мотивы замкнутого круга, бессмысленного пути, особенно значимые в произведениях О. Минкина, В. Гигевича, Ю. Станкевича, В. Быкова, связаны с абсурдизмом, имеющим библейские истоки.

О мифологическом субстрате белорусской антиутопии говорят элементы мифа о вечном возвращении, а также весьма архаичные мотивы: преклонение перед Матерью-Землей, отождествление женщины, земли и природы, мотив гармонизации хаоса через насилие, поединок героя с хтоническим животным (змеем/драконом).

Культурные, политические и социальные изменения оцениваются в белорусской антиутопии негативно. В качестве контраргумента используется описание деградации личности, народа либо всего человечества. Поиск виновных в деградации выливается в формирование образа «врага». В числе «врагов» оказываются власть, светское знание и наука, массовая культура, урбанизация и городская культура, глобализация, цивилизация европейского типа и др.

Некоторым авторам присущи консервативность и футурофобия, интерпретация социокультурной реальности в рамках мифа о Золотом веке, причем последний относится в доиндустриальную эпоху. Звучат призывы вернуться к вере, пейзажному быту. Город персонифицирует деградировавшую цивилизацию, зло, опасность, смерть.

Характерная черта белорусской антиутопии – сомнения в социальном прогрессе, которые сочетаются с глубоким убеждением, что «неправильный» мир можно изменить. В «радикальных» антиутопиях способом изменения мира считаются этнические чистки, кровавые восстания, уничтожение человечества. В «плюралистических» антиутопиях подчеркивается важность культурного и духовного своеобразия, терпимости и толерантности. В произведениях А. Аламовича и А. Щуцкого ориентирами выступают мир и гармония в мировом сообществе.

Герой белорусской антиутопии, как правило, – мужчина, деятельный человек, альтруист, индивидуалист, отстаивающий свою свободу и независимость. Женские персонажи воплощают природное начало, их профессии не важны. Социально активная женщина – редчайшее явление в белорусской антиутопии. Этот персонаж наделяется негативными чертами.

Среди целей антиутопического дискурса (политических, экологических, культурных и эстетических) – защита от идейной/культурной экспансии, формирование духа толерантности в мировом сообществе, поддержка культурного разнообразия, сохранение нематериального культурного наследия, закрепление гендерной асимметрии и патриархально понимаемых гендерных ролей, поддержка высокого уровня искусства.

**В третьей главе «Архетипические основания белорусской антиутопии»**, состоящей из двух разделов, рассматриваются архетипические образы и архетипическая структура антиутопических произведений.

**В разделе 3.1 «Архетипические образы в белорусской антиутопии»** анализируются символы и взаимосвязь архетипических образов в антиутопических текстах. На



основе анализа делается вывод, что белорусская антиутопия построена на библейских мотивах и символике. Антиутопии основаны на апокалиптической схеме (мотивы борьбы сил добра и зла, нарушения миропорядка, узурпации божественной власти, смерти и возрождения, конца света, опасности знания). Авторами используются фигурирующие в Библии древнейшие символы и числа-архетипы (солнце, золото, радуга как символы Бога и божественного, совершенного, числа четыре, семь, восемь и др.). Во многих антиутопиях действуют персонажи, имеющие библейских прототипов, используются образы рая и ада, Носва ковчега, грешного города, Вавилонской башни.

Прослеживается тесная связь белорусской антиутопии с мифом и сказкой. Например, схема повести В. Гигевича «Корабль» полностью соответствует ключевым пунктам схемы героического мифа и «волшебной сказки». Глубинный смысл мифа сводится к процессу *индивидуации* (процессу самоосуществления личности), что справедливо и в отношении антиутопии.

Проблематика антиутопии связана с противостоянием личности и власти, личности и общества, поэтому в произведениях фигурируют архетипы персоны и тени. *Персона* – это образ человека, забывшего свою сущность, бездумно подчиняющегося власти, слившегося с социальной ролью. Свойства *тени* проецируются на власть, город, техногенную цивилизацию, «чужаков» (иной этнос). Еще одна ипостась архетипа *тени* – «зверь» в человеке. Архетип *анимы* воплощается в женских персонажах, стимулирующих процесс *индивидуации* героя, вдохновляющих его на бунт. Архетип *мудрого старца* фигурирует в негативном аспекте и связан с темой *персоны* и неистинной жизни. Одними из важнейших архетипов являются герой и самость. *Герой* восстанавливает гармонию в мире, в собственной душе и судьбе, он находится в поисках правды, которая заключается в сопротивлении несправедливости, в принятии ответственности за жизнь на Земле. Архетип *целостности/самости* и его символы (круг, шар) наличествуют в подавляющем большинстве исследуемых антиутопий. Белорусские антиутопии 80-х – начала 90-х гг. отражали современность с помощью метафоры замкнутого в кольцо времени и мотива постоянно повторяющегося бессмысленного пути. Нестабильность транзитивного общества «компенсировалась» символами целостности и порядка.

Этнокультурные архетипы представлены в белорусской антиутопии архетипом Матери-Земли и синонимичным ему этнокультурным архетипом Родины-женщины (Родины-матери, Родины-девушки), а также архетипами Звезды, Музыки/Песни, Города. Ключевой белорусский этнокультурный архетип, связанный с экзистенциальными ценностями, – Земля.

В разделе 3.2 «Архетипическая матрица современной белорусской антиутопии» выявлены структурное тождество всех исследуемых текстов и их связь с мотивом смерти и возрождения. Анализ символики и мотивов показал, что антиутопическое мировидение с присущим ему доминированием страха перед будущим основывается преимущественно на *первой базовой перинатальной матрице* в негативном аспекте и на *второй базовой перинатальной матрице*, постулируемых С. Грофом.

Архетипическая структура текста (*блаженство – его утрата – страдания/борьба, смерть – воскресение/возрождение/обретение блаженства*), названная нами *архетипической матрицей*, фиксирует движение к *целостности*. Архетипическая матрица имеет кольцевую структуру и связана с общим для всех исследуемых нами антиутопий архетипом *целостности/самости*. Вне связи с сюжетными смыслами, без конкретики схема отражает процесс движения от первичной гармонии к вторичной. Архетипическая матрица имеет следующие элементы: *состояние нормы, гармонии, равновесия – утрата гармонии, равновесия (нарушение нормы) – усиление дисгармонии – обретение гармонии (восстановление нормы)*. Все исследуемые тексты (антиутопии), равно как и волшебные сказки, многие мифы, ритуалы инициации, пьесы, романы, имеют композицию, основанную на данной схеме.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

### Основные научные результаты диссертации

1. В результате исследования определено, что *антиутопия* – это *социально-фантастическое произведение, представляющее собой художественную модель нежелательной социокультурной ситуации, создаваемую с целью социальной критики*: выявлено, что в настоящее время антиутопия воплощается в различных видах художественной культуры, опирающихся на вербальную основу, – в литературе, кино, театре, радиотеатре, в музыке (песне). Литературная антиутопическая традиция (тексты В. Одоевского, Э. Бульвер-Литтона, С. Батлера, Э. Форстера, Е. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла и др.) породила кинематографическую традицию (киноантиутопии Ф. Лага, Ж.-Л. Годара, Т. Гильяма и др., а также мультипликационные антиутопии), театральную и музыкальную (песенную), воплотилась в компьютерных играх (Fallout, Half-Life 2, The Moment of Silence, Mirror's Edge). Масштабность проявлений антиутопизма как мироощущения и миропонимания показывает, что антиутопизм – значительный элемент самосознания мировой культуры XX–XXI вв.

Белорусская антиутопическая традиция начинается с произведения А. Мицкевича «История будущего» (1829). После продолжительного периода, в течение которого антиутопии не создавались, появились произведения А. Макаенка («Дышите экономно!..», 1983), Э. Скобелева («Катастрофа», 1984), А. Адамовича «Последняя пастораль» (1987), В. Гигевича «Корабль» (1988) и др. Были опубликованы произведения комбинированного жанра, в которых антиутопия сосуществует со сказкой, притчей, утопией, романом-фантастической притчей В. Быкова «Пахаджане», «Носороги идут», «Байки жизни» (1999–2000), сказки В. Голкова и О. Минкина (цикл «Правдивая история Страны Хламов» (1989, 1994)), роман Ю. Фатнева «Ладья Харона» (1998) и Е. Таганова «Слово о Сафари» (1999).

В ходе исследования было выявлено, что белорусская антиутопия формировалась как литературная. С 1984 г. отдельные антиутопии белорусских авторов (А. Адамовича,



А. Макаенка) стали воплощаться на театральной сцене и в драмтеатре. Киноантиутопий и компьютерных игр с антиутопическим сюжетом в белорусской культуре нет. преобладает литературная антиутопия [4: 6; 10; 13; 17].

2. Европейская антиутопия имеет мифорелигиозную мировоззренческую основу. Анализ мотивного ряда антиутопии показывает, что прообраз жанра антиутопии – жанр откровения/апокалипсиса, у которого антиутопия заимствует *мотивы предсказания будущего, мировой войны, глобальных катастроф, деградировавшего общества, несправедливой власти, остановившегося времени, борьбы сил добра и зла, божьего возмездия, грешного города* и др.

Смыслопорождающим истоком антиутопии является древнейший миф о деградации мира и последующем его возрождении. В антиутопии главной задачей протагониста становится восстановление правильного («божественного») миропорядка. Антиутопия имплицитно представляет представления о способах и условиях возрождения и улучшения человечества.

Антиутопия как жанр сформировалась в полемике с утопией, которая является секуляризованным мифом, и с социокультурным проектом Просвещения. Счастье человечества/народа – цель, которую преследуют антиутописты, подобно утопистам и просветителям. В процессе исследования было выявлено, что ценности Просвещения (идеи о социальной справедливости и свободе) дополняются в антиутопиях цивилизационным скептицизмом, отрицательным отношением к утилитаризму и рационализму, техническому прогрессу и урбанизации, апологией бунтарства, оригинальности и чувствительности. Таким образом, аксиологию антиутопии можно охарактеризовать как совокупность ценностей Просвещения и романтизма.

Критическое освещение реалий индустриальной эпохи в антиутопических произведениях XIX–XX вв. воплотилось в темах *города (враждебной среды), механического/бездумного человека, утраты веры, тотальности механизмов, рабства и господства, массового общества, тоталитарного государства, подавления природного начала в человеке*.

Антиутопия критикует социокультурный проект модерна, оставаясь в рамках культурной парадигмы модерна, о чем свидетельствуют особенности антиутопического дискурса: моноличность, имплицитные представления о прогрессе и идеальном обществе [1: 4; 6; 8; 10; 17].

3. Белорусской антиутопии свойственны *эсхатологизм, мессианизм, морализм, опора на библейские мифологемы* в понимании истории и современности. Мир осознается через базовую метафору «жизнь – это война», что характерно для выделенной нами в ходе сравнительного анализа «радикальной» антиутопии, базирующейся на конфликтной модели межэтнических отношений. «Плюралистическая» антиутопия, напротив, ориентирована на идеи толерантности, мирного сосуществования наций и идеологий.

Белорусская антиутопия прочно связана не только с древними мифами, но и с секуляризованным рационализированным мифом (утопией и современными мифами

окультурного, паранаучного и политического характера). Элементы утопизма проявляются в белорусской антиутопии как авторский монологизм, критика современной цивилизации, пропаганда идеалов патриархальной старины и т.п. Корпус текстов белорусской антиутопии включает широкий ряд современных мифов: мифы об инопланетянах, информационном поле Земли, о торсионных полях, телегонии и т.п. Все антиутопии идейно и морфологически родственны мифу и волшебной сказке.

Белорусская антиутопия испытала влияние идеологии и ценностей Просвещения, романтизма, абсурдизма, литературного течения «деревенская проза». На основе анализа ключевых идей белорусской антиутопии было определено, что во многих текстах город и цивилизация связываются с атеизмом, бездуховностью, несчастьем, ложью, а «природа», олицетворяемая деревней, – с верой, духовностью, счастьем, правдой. Гендерные стереотипы белорусской антиутопии патриархальны: атрибуты женщины – иррациональность, чувственность, природное начало; атрибуты мужчины – рациональность, духовность, нацеленность на поиск Истины. В ряде текстов реализуются фольклорные стереотипы «чужой (иноземец, иноверец) – враг», «крестьянин, человек истинный – горожанин, человек безнравственный». Белорусская антиутопия реанимирует антицивилизационные, антитехницистские и антиурбанистические идеи XVII–XIX вв.

Хотя белорусская антиутопия ориентирует реципиента на традиционные ценности, ее главный герой олицетворяет либеральные ценности. Для авторов антиутопий (А. Адамовича, В. Голкова, О. Минкина, Э. Скобелева, А. Щуцкого) особо значимы личность, свобода и равноправие людей, гуманизм, плюрализм убеждений. В белорусской антиутопии непопулярны такие ценности, как брак и любовь, в то же время важны традиционные ценности: прошлое народа, Родина, религия и язык.

Анализ дискурса белорусской антиутопии показал, что представления об идеальном обществе предопределили следующие цели дискурса: политические и экономические (укрепление мира, равноправие передовых и развивающихся стран, формирование гражданского общества и правового государства, защита от территориально-политической экспансии), культурные (сохранение культурного разнообразия, нематериального культурного наследия (устная традиция, язык, религия и т. д.), осуществление межкультурного диалога, защита от культурной экспансии, закрепление гендерной асимметрии, свойственной традиционному обществу), эстетические (поддержка высокого этического и эстетического уровня искусства), экологические (сохранение природного разнообразия, практика гармоничных отношений с природой) [1: 2; 4; 8; 10; 13; 14; 15; 16; 17].

4. Анализ текста позволил выявить ключевые универсальные архетипы (*персоны, тени, анимы/анимуса, самости* и т. д.). Развертывание сюжета антиутопий связано с архетипом *героя*: путь главного героя к самопознанию ведет к изменению его души и трансформации всего антиутопического мира. К духовным переманам героя побуждают *анима* и – реже – *мать* (женские персонажи). В некоторых произведениях присутствует

архетипический образ *мудрого старца* (в негативном аспекте) – антагониста главного героя. Архетипические образы *персоны* и *тени* воплощают преимущественно негативные черты современной цивилизации. *Персона* связана с образом человека массы, конформиста, карьериста, человека, не совершенствующего свою душу. *Тень* – то, против чего выступает главный герой. *Мана-личность* – личность в состоянии инфляции. Важнейший архетипический образ, характерный для множества белорусских и зарубежных антиутопий, – символ круга, архетип *самости*. Анализ структуры текстов показал, что антиутопии находятся в тесной связи с процессом *индивидуации*: духовная эволюция героя направлена к *целостности/самости*.

В ходе исследования в антиутопических произведениях белорусских авторов были выявлены следующие этнокультурные архетипы: Матери-Земли, Родины-женщины (Родины-матери, Родины-левушки), Музыки, Города, Звезды. Этнокультурный архетип Звезды в антиутопии В. Гигевича ассоциирован с духовностью, нравственностью. Этнокультурный архетип Музыки в ряде произведений устойчиво связывается с мировой гармонией, духовностью, белорусской культурой и белорусским этносом. Этнокультурный архетип Города имеет негативные коннотации, что связано с деструктивной ролью урбанизации по отношению к традиционной крестьянской культуре и природе. Ключевым этнокультурным архетипом в белорусской антиутопии является архетип Матери-Земли.

Белорусская театральная антиутопия базируется на литературной и имеет дополнительный архетипический ряд, созданный сцениграфическими средствами. Бинарные оппозиции, представленные в текстах антиутопий вербально, в радиоспектакле «Последняя пастораль» выражены также музыкальными средствами, например, дихотомии «мир – война» соответствует противопоставление звучания флейты и барабанного боя [1; 2; 5; 7; 11; 12].

5. Белорусская антиутопия – целостное явление, что отражается и в идейной преемственности, и в композиционной структуре. Согласно идеям трансперсональной психологии, антиутопия соответствует перинатальному уровню сознания, которое воспринимает мир как абсурдный и опасный. Проведенный нами анализ показал, что композиционные части антиутопии коррелируют в плане символики и мотивов с перинатальными матрицами С. Грофа.

Во всех текстах изучаемого жанра нами была обнаружена структура, которая не вводилась авторами сознательно. Эта четырехчастная структура, получившая название «архетипическая матрица», включает следующие элементы: *состояние нормы, гармонии, равновесия (блаженство) – нарушение нормы, утрата гармонии, равновесия (утрата блаженства) – усиление дисгармонии (страдания, борьба и опасности, связанные с утратой блаженства) – восстановление нормы, обретение гармонии (блаженства)*.

Сравнительный анализ текстов дает основание утверждать, что данная архетипическая структура присутствует не только в антиутопии, но и в многочисленных принад-

лежащих различным культурам волшебных сказках, мифах и сакральных текстах, романах, драматических произведениях, а также в схеме ритуалов инициации (она встречается в индийских, ацтекских и греческих мифах, в иудейских и христианских сакральных текстах. в «греческом» («софистическом») романе II–VI вв. н. э., в византийском романе XII–XV вв., в белорусской, английской и русской антиутопии, в английской драматургии XVII в. и китайской драматургии XIII в.). Таким образом, архетипическая матрица широко распространена в мировой культуре.

Комплекс архетипических образов, присущих антиутопии, свидетельствует, что антиутопия отражает не только сознательное стремление автора гармонизировать общество и культуру, но и бессознательное стремление к достижению целостности, душевной гармонии. Это коррелирует с процессами в трансформирующемся обществе [3; 9; 12].

#### Рекомендации по практическому использованию результатов

Введение в научный оборот корпуса антиутопических текстов способствует переосмыслению процесса развития белорусской литературы и культуры, поскольку жанр антиутопии является важной характеристикой аксиосферы современной белорусской культуры.

Выявление *архетипической матрицы* художественного и мифопоэтического текста позволяет раскрыть его глубинный смысл и показать связь произведения с мифом и сказкой. Данные задачи решаются в рамках филологических и культурологических дисциплин.

Результаты диссертационного исследования внедрены в учебный процесс УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств» и нашли отражение в курсах лекций дисциплин «Теория и история культуры», «Аксиология культуры» (акты о внедрении от 26.10.2009, 20.04.2010, 17.12.2010, 17.03.2011). Материалы диссертации включены в курсы практических и семинарских занятий.

Данные исследования могут быть использованы в программах курсов вузов, а также в учебных и учебно-методических пособиях по соответствующим гуманитарным дисциплинам («Аксиология культуры», «Архетипы культуры», «Белорусская и мировая литература», «Белорусская культура XX–XXI столетий», «Введение в литературоведение», «История белорусской литературы XX – начала XXI столетия», «Теория и история культуры», «Теория литературы», «Философско-эстетические проблемы искусства», «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология»).



## СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ

### Статьи в научных рецензируемых журналах

1. Свечникова, Е.В. Антиутопия. Символ. Архетип (на примере повести В.С. Гигевича «Корабль») / Е.В. Свечникова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2004. – № 1. – С. 42–46.
2. Свечникова, Е.В. Вяртанне да чалавека (антыутопія В. Гігевіча «Карабель») / Е.В. Свечникова // Род. слова. – 2005. – № 3. – С. 22–24.
3. Свечнікава, А.У. Архетыпічная структура тэксту / А.У. Свечнікава // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2009. – № 4. – С. 97–102.
4. Свечнікава, А.У. Беларуская антыутопія: культурны кантэкст / А.У. Свечнікава // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2010. – № 2. – С. 95–99.
5. Свечникова, Е.В. Этнокультурные архетипы в белорусской антиутопии / Е.В. Свечникова // Вести Ин-та соврем. знаний. – 2011. – № 3. – С. 36–40.
6. Свечникова, Е.В. Архетипические образы в киноантиутопии Ф. Ланга «Метрополис» / Е.В. Свечникова // Вести Ин-та соврем. знаний. – 2011. – № 4. – С. 19–24.

### Статьи в научных журналах

7. Свечникова, Е.В. Врожденное знание: учение К.Г. Юнга об архетипах / Е.В. Свечникова // Аспирант и соискатель. – 2003. – № 6. – С. 66–68.
8. Свечникова, Е.В. Парадокс антиутопии / Е.В. Свечникова // Аспирант и соискатель. – 2004. – № 4. – С. 91–93.
9. Свечникова, Е.В. Архетипическая матрица жанра антиутопии / Е.В. Свечникова // Вопр. гуманит. наук. – 2005. – № 3. – С. 625–627.
10. Свечникова, Е.В. Дихотомия «рациональное – иррациональное» в антиутопии / Е.В. Свечникова // Искусство и культура. – 2011. – № 2 (2). – С. 114–119.

### Материалы научных конференций

11. Свечникова, Е.В. К.Г. Юнг: человек и его природа (классификация архетипов) / Е.В. Свечникова // Природа. чалавек, культура: праблемы гармоніі : матэрыялы міжнар. канф., Мінск, 25–26 сак. 2003 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры ; рэдкал.: М.А. Бяспалая [і інш.]. – Мінск, 2003. – С. 368–373.
12. Свечникова, Е.В. Архетип целостности в эпоху распада / Е.В. Свечникова // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., Гродно. 5–6 июня 2003 г. / Гродн. гос. ун-т ; редкол.: У. Розенфельд (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2003. – С. 425–428.
13. Свечникова, Е.В. Ценностные ориентации современной белорусской антиутопии / Е.В. Свечникова // Нацыянальная спадчына і сучасныя праблемы культуры

(прывсячаецца 60-годдзю вызвалення Беларусі) : зб. дакт. навук. канф. студ. і аспір.. Мінск. 22–23 крас. 2004 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры ; рэдкал.: М.А. Бяспалая (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск. 2004. – С. 268–277. – Дзп. в ГУ «БелИСА» 30.06.2004. – № Д 200469.

14. Свечникова, Е.В. Духовность и свобода в зеркале антиутопии / Е.В. Свечникова // Духовно-нравственное и физическое оздоровление общества: состояние, проблемы, поиск эффективных форм и методов : материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 дек. 2003 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е.М. Бабосов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – Ч. 1. – С. 104–107.
15. Свечникова, Е.В. Библиейские мотивы в белорусской антиутопии / Е.В. Свечникова // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры, Минск, 24–26 мая 2006 г. : материалы чтений «Церковь и социальные проблемы современного общества» / Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; отв. ред. и сост. А.Ю. Бендин. – Минск, 2007. – С. 121–126.
16. Свечникова, Е.В. Ценности традиционного общества в посттрадиционной культуре (на примере современной белорусской антиутопии) / Е.В. Свечникова // Беларуская культура ва ўмовах глабалізацыі : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 35-годдзю Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў, Мінск, 3 снеж. 2010 г. : у 2 т. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал.: М.А. Мажэйка (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – Т. 1. – С. 189–193.

### Статья в литературно-художественном и общественно-политическом журнале

17. Свечникова, Е.В. Ожидание апокалипсиса / Е.В. Свечникова // Неман. – 2005. – № 8. – С. 164–175.

*Свечникова*

## РЕЗЮМЕ

Свечинкова Елена Владимировна

### Универсальные и этнокультурные архетипы в современной белорусской антиутопии

**Ключевые слова:** антиутопия, апокалипсис, архетип, архетипическая матрица, архетипический образ, базовая перинатальная матрица, культура, символ, ценности.

**Цель работы:** выявить универсальные и этнокультурные архетипы в современной белорусской антиутопии как тексте культуры.

**Методы исследования.** Теоретическую базу исследования составляют концептуальные положения семиотики, структурализма, аналитической и трансперсональной психологии. В работе применяются следующие подходы: семиотический, структурно-аналитический, аксиологический. В диссертационном исследовании используются следующие методы: компаративный, позволяющий определить общие черты антиутопий, их интертекстуальные связи; герменевтический, предоставляющий возможность интерпретировать символы и выявить мировоззренческие основы антиутопии.

**Полученные результаты и их новизна.** Впервые белорусская антиутопия предстала как комплекс текстов, обладающих единой архетипической структурой и схожими идеями. Была прослежена эволюция жанра, показаны взаимосвязи жанров апокалипсиса и утопии с жанром антиутопии, а также влияние идеологии христианства, романтизма и Просвещения на антиутопический дискурс. Проанализированы аксиология и идеология, стереотипы, символика белорусской антиутопии, выявлена специфика последней в контексте зарубежной антиутопии.

Впервые был проведен юнгианский анализ антиутопий белорусских авторов. Была выявлена архетипическая матрица текста, показавшая структурную тождественность антиутопии со сказкой, мифом, софистическим романом, отдельными драматическими произведениями мировой литературы.

**Рекомендации по использованию.** Положения и выводы диссертационного исследования могут использоваться в процессе преподавания дисциплин «Аксиология культуры», «Архетипы культуры», «Белорусская и мировая литература», «Белорусская культура XX–XXI столетий», «Введение в литературоведение», «История белорусской литературы XX – начала XXI столетия», «Теория и история культуры», «Теория литературы», «Философско-эстетические проблемы искусства», «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология», а также при анализе художественного текста.

**Область применения:** культурология, философия, литературоведение.

## РЭЗЮМЭ

Свечнікава Алена Уладзіміраўна

### Універсальныя і этнакультурныя архетыпы ў сучаснай беларускай антыўтопіі

**Ключавыя словы:** антыўтопія, апакаліпсіс, архетып, архетыпічная матрыца, архетыпічны вобраз, базавая перынатальная матрыца, каштоўнасці, культура, сімвал.

**Мэта работы:** вызначыць ўніверсальныя і этнакультурныя архетыпы ў беларускай антыўтопіі як тэксце культуры.

**Метады даследавання.** Тэарэтычную базу даследавання складаюць канцэптуальныя палажэнні семіётыкі, структуралізму, аналітычнай і трансперсанальнай псіхалогіі. У працы прымяняюцца наступныя падыходы: семіятычны, структурна-аналітычны, аксіялагічны. У дысертацыйным даследаванні выкарыстоўваюцца наступныя метады: кампаратывны, які дазваляе вызначыць агульныя рысы антыўтопій, іх інтэртэкстуальныя сувязі; герменеўтычны, які дае магчымасць інтэрпрэтаваць сімвалы і вызначыць светапоглядныя асновы антыўтопіі.

**Атрыманыя вынікі і іх навiзна.** Упершыню беларуская антыўтопія паўстала як комплекс тэкстаў, якія маюць адзiную архетыпічную структуру і падобныя ідэі. Была прасочана эвалюцыя жанру, паказаны ўзаемасувязі жанраў апакаліпсісу і ўтопіі з жанрам антыўтопіі, а таксама уплыў ідэалогіі хрысціянства, рамантызму і Асветы на антыўтапічны дыскурс. Прааналізаваны аксіялогія і ідэалогія, стэрэатыпы, сімволіка беларускай антыўтопіі, выяўлена спецыфіка апошняй ў кантэксце замежнай антыўтопіі.

Упершыню быў праведзены юнгіянскі аналіз антыўтопій беларускіх аўтараў. Была выяўлена архетыпічная матрыца тэксту, якая паказала структурную тоеснасць антыўтопіі з казкай, міфам, асобнымі драматычнымі творамі сусветнай літаратуры.

**Рэкамендацыі па выкарыстанні.** Палажэнні і вывады дысертацыйнага даследавання могуць выкарыстоўвацца падчас выкладання дысцыплін «Аксіялогія культуры», «Архетыпы культуры», «Беларуская і сусветная літаратура», «Беларуская культура XX–XXI стагоддзяў», «Уводзіны ў літаратуразнаўства», «Гісторыя беларускай літаратуры XX – пачатку XXI стагоддзя», «Тэорыя і гісторыя культуры», «Тэорыя літаратуры», «Філасофска-эстэтычныя праблемы мастацтва», «Этнапсіхалінгвістыка і лінгвакультуралогія», а таксама падчас аналізу мастацкага тэксту.

**Галіна выкарыстання:** культуралогія, філасофія, літаратуразнаўства.



## SUMMARY

Svechnikova Elena Vladimirovna

### Universal and Ethnocultural Archetypes in the Modern Belarusian Anti-utopia

**Keywords:** anti-utopia (dystopia), apocalypse, archetype, archetypal matrix, archetypal image, basic perinatal matrix, culture, symbol, values.

**The aim of the research:** To reveal universal and ethno-cultural archetypes in the modern Belarusian anti-utopia as culture text.

**The methods of the research:** The theoretical basis of research is formed by the conceptions of semiotics, structuralism, analytical psychology and transpersonal psychology. The following scientific approaches are applied: semiotic, structural-analytical, axiological. In the dissertation the following methods are used: comparative method, which allows to reveal common features of anti-utopias and their intertextual connections, and hermeneutical method, which provides the ability to interpret symbols and to identify the philosophical foundation of anti-utopia.

**The findings and scientific novelty of the research.** For the first time the Belarusian anti-utopia has appeared as a complex of the texts which have a common archetypal structure and similar ideas. The genre evolution is tracked. In the dissertation the interconnections between genres of apocalypse and utopia with anti-utopia genre, and the influence of ideology of Christianity, Romanticism and the Enlightenment on an antiutopian discourse have been shown. Axiology and ideology, stereotypes, symbolism of the Belarusian anti-utopia are analysed, its specificity in a context of foreign anti-utopia is also revealed.

For the first time the Jungian analysis of the Belarusian anti-utopia has been made. The archetypal matrix of the text has been revealed. The archetypal matrix shows the structural identity of anti-utopia with a fairy tale, a myth, separate dramatic pieces of the world literature.

**Recommendations on the application of the obtained results.** The positions and conclusions of dissertational research can be used in the course of teaching of such disciplines as «Axiology of Culture», «Culture Archetypes», «Belarusian and World Literature», «Belarusian Culture of the XX–XXI Centuries», «Introduction to the Literary Criticism», «History of Belarusian Literature of the XX – Beginning of the XXI Century», «Cultural Science and the History of Culture», «The Theory of Literature», «Philosophical and Aesthetic Problems of Art», «Ethnic Psychology and Linguistics and Linguistic Cultural science». Also conclusions of dissertational research can be used for the analysis of the art text.

**The sphere of application:** culturology, philosophy, literary criticism.

*Научное издание*

**Свечникова Елена Владимировна**

**Универсальные и этнокультурные архитипы  
в современной белорусской антиутопии**

**Автореферат**

диссертации на соискание учёной степени  
кандидата культурологии  
по специальности 21.00.01 – теория и история культуры

---

Подписано в печать 12.12.2011 г. Формат 60x84 1/16.

Бумага писчая № 1. Усл. печ. л. 1,42. Уч.-изд. л. 1,48.

Тираж 60 экз. Заказ 323.

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»  
Ул. Рабковская, 17, 220007, г. Минск.

---

Напечатано на ризографе  
УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»